

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ЛБ 41 -
26

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

*

И М Е Н И

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

КРАТКИЕ
СООБЩЕНИЯ

182
XXXIV

919/5

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1960

Н. П. ЛОБАЧЕВА

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД ХОРЕЗМСКИХ УЗБЕКОВ

В полевой сезон 1956 г. автор настоящего сообщения работал в составе узбекского этнографического отряда¹ Хорезмской комплексной археолого-этнографической экспедиции, проводившего сбор материала по вопросам религии и древних культов среди узбекского населения северных (Кипчакский район Кара-Калпакская АССР) и южных (Хазарасп) районов Хорезмского оазиса, и занимался изучением современного и бытовавшего здесь 20—30 лет назад свадебного обряда.

В настоящее время правовой и хозяйственный институт брака в этих районах претерпел значительные изменения. Среди местной интеллигенции распространились браки, заключение которых не сопровождается никакими традиционными обрядами. Такие, связанные с установлениями ислама, обязательные в прошлом обычаи, как уплата за невесту калыма, право родителей распоряжаться судьбой молодых людей и пр., почти полностью изжиты, и если соблюдаются отдельными наиболее остальными семьями, то в завуалированной форме. Совершение *никаха* — мусульманского бракосочетания — не является теперь обязательным актом всякой свадьбы, чаще дело ограничивается регистрацией брака в загсе. Исчез также обязательный в прошлом порядок обособления мужчин и женщин во время свадебного торжества, но все же свадебный обряд в его традиционной форме еще широко бытует.

Описание и изучение его представляет большой интерес, так как еще до наших дней в свадебном комплексе хорезмских узбеков сохранилось много архаических черт, уходящих корнями в первобытнообщинный строй. До сих пор вступление в брак рассматривается населением как социально-экономический акт, ответственность за который лежит не только на семьях молодых людей, вступающих в брак, а на целом коллективе (как правило, группе родственников). Этот коллектив не только дает свою санкцию и участвует в брачных церемониях, но и оказывает материальную помощь в устройстве свадебного торжества. До сих пор свадебный *той* является не семейным, а общественным пиршеством. Теперь в этом обычае, имеющем вековую традицию, проявляется влияние нового советского быта, так как место старинных *элатов* (общин) занял колхозный или иной производственный коллектив.

Поведение всех участников свадебной церемонии и сейчас строго регламентировано древними обычаями².

¹ Состав отряда: Г. П. Снесарев — начальник, Р. А. Садоков, Н. П. Лобачева.

² Многие брачные обряды подчеркивают переход невесты и жениха в следующий возрастной класс, что характерно для родового общества (см. К. Л. З а д ы х и н а. Узбеки дельты Аму-Дарьи. «Груды Хорезмской экспедиции», т. I. М., 1952, стр. 390 и сл.).

Религиозно-магический ритуал хорезмской свадьбы, призванный охранять вступающих в брак от влияния враждебных сил, гарантировать им потомство и благополучие на всю жизнь, — явление сложное и отличающееся особой устойчивостью. В нем прослеживается ряд наслоений, идущих от самой глубокой древности и сложившихся под разными историко-культурными влияниями. Его история — это история сложения узбекского населения Хорезмского оазиса.

В настоящей работе мы попытаемся дать систематическое описание традиционного свадебного обряда, распространенного сейчас среди узбекского населения Хорезмского оазиса.

По сведениям наших информаторов, свадебная обрядность в различных районах Хорезмского оазиса и даже в соседних селениях одних и тех же районов, сохраняя некоторую общность, отличается деталями³. Особенно сильны отличия между южными и северными областями.

В северных районах, в частности в Кипчакском⁴, родители, имеющие неженатого сына, присмотрев ему невесту или получив от него соответствующие указания (теперь юноша чаще сам знакомится и договаривается с девушкой), начинают сватовство. Главная роль здесь отводится матери жениха, которая едет с подарками в сопровождении ближайших родственниц в дом родителей девушки. В число подарков обязательно входит девять *катлама* — лепешек, приготовленных на масле из слоеного теста и имеющих ритуальное значение, как и само число девять.

Принятие подарков означает, что сватовство состоится. Затем следуют смотрины невесты и угощение. В некоторых селениях нежелание родителей девушки поддерживать сватовство выясняется лишь при отъезде сватов, получающих обратно восемь *катлама* (взамен девятой — отдают простую лепешку).

В Хазараспе⁵ и прилегающей к нему округе на *кудалык* (сватовство) едет одна из родственниц жениха, она везет с собой в одних случаях *дас-тархан* (скатерть) с четырьмя хлебами, в других — нечетное число *патир* (род сдобных лепешек) с маслом, которые тут же съедаются хозяевами дома.

Следующий этап брачного ритуала — сговор, на котором договариваются о подарках невесте со стороны жениха (раньше велась речь о калыме). В Кипчаке ведущую роль отводят матери жениха, которая вторично привозит в дом родителей девушки угощения (плов и другие блюда).

В Хазараспе и Ханках в сговоре принимают участие наиболее уважаемые лица округи, представляющие интересы обеих сторон; они собираются в доме невесты на *кенгаши-той* (совет, сопровождающийся угощением). Прежде это были *златные яшулы* — наиболее уважаемые члены общины.

После сговора девушка считается просватанной невестой. В северных районах после этого ей не полагается появляться на общественных праздниках, тоях, гуляньях. Жених посылает ближайшим родственникам невесты подарки: мужчинам по халату, женщинам по платью и платку,

³ Отдельные элементы свадебной обрядности хорезмских узбеков описаны в указанной работе К. Л. Задыхиной; см. также Г. П. Снесарев. О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма. «Советская этнография», 1957, № 2, стр. 63—64.

⁴ Нашими информаторами в Кипчакском районе Каракалпакской АССР были: в колхозе им. Энгельса — Атамуратов (40 лет), Курбанайтова (52 года), Якубов (40 лет); в Кипчаке — Маткаримов (свыше 50 лет).

⁵ Нашими информаторами в Хазараспе были: Кутлумуратов (около 40 лет), Матназаров (60 лет), Матназарова (20—25 лет).

браслеты и кольца. В Хазараспе жених с невестой после сговора могут встречаться на тоях и других празднествах, куда девушка приходит с *янгой* — опекающей ее женщиной — обычно женой своего старшего брата.

Следующая по порядку церемония, отмечаемая повсеместно в Хорезме — это *патия-той* (благословление); раньше к нему приурочивалась выплата половинной доли калыма.

В Кипчакском районе на патия-тое опять фигурируют лепешки или катлама, раскладываемые по девять штук на дастархан; кроме этого, жених обязан прислать невесте еще наряд, состоящий из пяти предметов (каждого предмета должно быть по пять штук) — *беш кийим*.

В промежуток времени между патия-тоем и *улы-тоем* (центральным моментом свадебной обрядности) жених на каждый праздник посылает невесте подарки. В Кипчакском районе через янгу, с которой встречается на тоях, он дарит невесте девять тарелок с сахаром, виноградом или другими сладостями; в Хазараспе — казан плова с положенными поверх него двумя-тремя лепешками и, кроме того, платок и платье. Невеста обычно отдаривает жениха. В Хазараспе она посылает ему халат, рубаху, а также *чайсалта* (мешочки) с яйцами, которые должен съесть жених со своими друзьями; этот обычай связан, без сомнения, с идеей плодородия. В Кипчаке практикуется другой, но аналогичный по смыслу обычай. Янга невесты посылает жениху пророщенную пшеницу, из сока которой варят *сумалаяк* — ритуальное блюдо весеннего праздника в честь мусульманских покровительниц женщин, сохраняющего несомненные связи с древним культом природы и плодородия и отмечаемого в определенный день в период появления первой зелени.

Перед улы-тоем в доме жениха устраивают кенгаш-той; прежде это бывало после выплаты калыма. На нем решается вопрос о дне улы-тоя, о том, кого следует пригласить на свадьбу, где разместить гостей, какое будет угощение и т. д.; тут же выясняется, какая материальная помощь требуется семье жениха.

В селениях Кипчакского района этот той устраивает отец жениха, приглашающий на него в первую очередь председателя колхоза (раньше приглашали элатных яшуллы). В Хазараспе инициатива в проведении кенгаш-тоя принадлежит уважаемым членам коллектива (прежде — яшуллы из элата жениха), решающим в присутствии отца жениха и других родственников все вопросы предстоящего улы-тоя.

В самом Кипчаке до улы-тоя в доме невесты устраивают еще так называемый *кичик-той* (малый той). На нем могут присутствовать родители жениха. Жених после кичик-тоя в последний раз устраивает угощение своим неженатым друзьям, с которыми после женитьбы он уже не водит компании.

Заключительный этап свадебной обрядности — улы-той — длится два дня. Начинается он в доме невесты и бывает там менее пышным и богатым, чем в доме жениха. В тех случаях, когда брак оформляется по мусульманскому обряду, именно в эти дни совершают никах. В Кипчакском районе это происходит обязательно в доме невесты.

В одних случаях жених присутствует при этом, в других обходятся без него, но тогда обязательно присутствие одного или двух *вакилей* (представителей и свидетелей жениха). Сам обряд заключается в следующем: мулла трижды спрашивает молодых людей или их представителей, согласны ли они вступить в брак, и каждый утвердительный ответ сопровождается записыванием воды, которую мулла дает всем присутствующим, начиная с невесты; после этого отец невесты дает ей свое *патия* (благословление), желая ей счастья и потомства («Пусть будут у тебя сыновья и

дочери, будь счастлива»). В Хазараспе, как и в Кипчакском районе, нет строго определенного времени для совершения никаха; обычно он также совершается в доме невесты, за которую, как и за жениха, отсутствующего во время церемонии, ответы дают вакили (выбирают по два вакиля). Однако, по сообщению информатора Кутлумуратова, бывает, что никах происходит в доме жениха⁶. Интересно указание на то, что во время никаха его участникам вместо воды должны подавать дыню.

Как видно из приведенного описания, никах хорезмской свадьбы не представляет собой ничего оригинального по отношению к мусульманскому ритуалу, но следует обратить внимание на тот факт, что этот единственный момент свадьбы хорезмских узбеков, связанный с мусульманской религией, тесно переплетается с представлениями магического характера. Об этом свидетельствует формула пожелания потомства и счастья, совершение никаха над дыней, символизирующей плодородие, и сама атмосфера тайны, создаваемая для того, чтобы не допустить возможности действия враждебных сил⁷.

Первый день свадебного пиршества, происходящего в доме невесты, в Кипчаке носит название *узтыш-тоя* (провождения). В этот день невеста в сопровождении своих сверстниц посещает дома соседей, прощаясь с ними. На второй день той переносится в дом жениха, куда съезжаются многочисленные гости, устраивается обильное угощение, приглашаются музыканты. Эта часть улы-тоя сопровождается наибольшим количеством старинных обрядов и магических действий, так как связана с переездом невесты в дом жениха, приобщением к его семье и переходом обоих молодых людей в другой возрастной класс. Свадебный поезд невесты состоит обычно из нескольких арб (теперь пользуются и машиной), на одной из которых перевозится и ее приданое (утварь, одежда). Невеста со своей янгой и подругами сидят за специальной занавеской на первой арбе, арбакешем на которой в Кипчакском районе всегда бывает чужой человек (своему человеку считается стыдным отдавать девушку чужим). При встрече свадебного поезда невесты жених, выезжающий ей навстречу на лошадах в сопровождении друзей-сверстников, просит у нее *румал* (платок) и через янгу получает приготовленное специальное для этого случая *турме* (шелковая ткань бордово-красного цвета, употребляемая мужчинами на пояса), а друзья жениха получают платки от подружек невесты. Затем жених с одним из своих товарищей, взявшись за концы турме, скачут туда и обратно перед свадебным поездом. Если жених при этом упадет с лошади и не ушибется, то это считается хорошим признаком. Приглашенные музыканты, сопровождающие жениха в поездке за невестой, в момент встречи со свадебным поездом исполняют старинную хорезмскую свадебную мелодию — *пахтара-гуль*. Весь остальной путь жених с друзьями беспрерывно гарцуют перед свадебным поездом, покаявая мастерство джигитовки и следя за тем, чтобы ему никто не пересек дорогу. За этим в настоящее время развлекательным моментом скрывается другой смысл, заключающийся в том, чтобы парализовать враждебные силы, подстерегающие невесту во время ее переезда в дом будущего мужа. Та же цель преследовалась обычаем везти на *келин-арбе* (арба невесты) зажженную лампу. В северных районах этот обычай редко соб-

⁶ По данным Г. П. Снесарева, в Ханках никах совершается в доме жениха, а в Хиве и Кипчаке — в доме невесты (см. «Советская этнография», 1957, № 2, стр. 63).

⁷ По сведениям Г. П. Снесарева, никах стремятся совершить при минимальном числе свидетелей, допускаются на него только близкие люди; во время никаха на дворе, около окон, на крыше и у ворот стоят своеобразные пикеты из родных и знакомых (см. «Советская этнография», 1957, № 2, стр. 63—64).

людается. При приближении к дому жениха сопровождающие невесту подружки поют свадебную песню «Яр-яр».

Перед домом жениха келин-арба обязательно переезжает через очистительный огонь — костер, разжигаемый *мурундук-ене* (посаженной матерью молодых, выбираемой из числа близких родственниц жениха)⁸. На ее обязанности лежит встретить и снять невесту с арбы, в чем ей препятствует арбакеш, требующий выкупа. Выкупа требуют также дети из селения жениха, преграждающие путь свадебному поезду на подъездах к его дому. В некоторых селениях невесте для обеспечения потомством сажают на руки ребенка; под ноги, когда она сходит с арбы, иногда подстилают *постун* — мужскую овчинную шубу, принадлежащую отцу жениха — обычай, который редко кто может сейчас объяснить, но значение его, как увидим ниже, разъясняется при знакомстве с древнеиндийским свадебным обрядом.

Перед входом в дом жениха женщина со стороны невесты, известная своим красноречием, приветствует его родственников, вышедших навстречу свадебному поезду. Невеста после каждого приветствия кланяется. Потом ее ведут в дом на женскую половину и сажают в отдельной комнате за повешенную янгой занавеску. Все время, начиная с момента, когда невеста сошла с арбы и до входа в дом, родственники жениха, боясь «дурного глаза» плотным кольцом окружают ее, следя зорко за действиями присутствующих. Мать невесты, приехавшая со свадебным поездом, раздает родственникам жениха подарки, после чего возвращается домой. Вскоре в комнату, где сидит невеста, приходит жених с тремя-четырьмя товарищами и останавливается перед занавеской. Навстречу им выходит янга, остающаяся во время улы-тоя около невесты, и угощает жениха мясом от куриной грудки. В других селениях в этот момент присутствующих угощают *мурундук-ошем*, состоящим из разрезанной на куски бараньей грудки, преподносимой *мурундук-ене*, а *мурундук-ата* одаривает всех подарками. Здесь же выполняются обряды развязывания на женихе пояса и снятия с него сапога янгой невесты, получающей за это от присутствующих деньги⁹. После этого жених должен в один прием поднять на ноги сидящую невесту, подружки которой препятствуют ему в этом. Затем все, кроме янги, покидают их. Невеста открывает лицо. Янга поит жениха и невесту чаем из одной кесе. Для обеспечения достатка в семье в рот невесте дают серебряную монету, которую она передает жениху. Янга не покидает комнату молодых до утра (сидит по другую сторону занавески), и, чтобы охранить молодых от враждебных сил, до утра не гасят лампы в комнате, где они находятся.

В Хазараспе, как и вообще в южных районах Хорезма, заключительный этап свадьбы отличается некоторыми специфическими чертами, которые или нехарактерны для северных районов, или вообще там не встречаются. Первый день тоя, происходящий в доме невесты, здесь не имеет специального названия и не сопровождается особыми обрядами. На второй день той переносится в дом жениха. Любопытно, что перед выездом за невестой жених получает от своей матери курицу или петуха — обычай, толковать который можно двояко: с одной стороны он связывается с магическими действиями, направленными на обеспечение молодой четы

⁸ Мурундук-ене и *мурундук-ата* (посаженный отец, ее муж) являются для вступающих в брак вторыми отцом и матерью, почитаются ими в течение всей жизни; в свою очередь они по отношению к молодым имеют известные обязательства.

⁹ Во время выполнения этих обрядов оставшаяся на тое мать невесты, если она против данного брака, незаметно разбрасывает джугару, что, по мнению хорезмских узбеков, несомненно должно повредить браку.

потомством; с другой, — с представлениями маздеистской религии; по Бундахишну петух и собака более всех остальных созданий помогают доброму духу *Сраоши* (Срошу), защищающему мир от демонов ночи, в уничтожении врагов; они созданы для борьбы с демонами и колдунами¹⁰.

Около дома невесты выполняется специфический для южных районов Хорезма обычай переодевания жениха в новое платье, символизирующий переход его в другую возрастную группу. В Хазараспе это происходит так: доехав до дома невесты, около которого располагаются специально приглашенные музыканты — сазчи, зурнайчи и др., жених спешивается с коня и садится рядом с сазчи. Присутствующие бросают сазчи деньги; тем временем близкие родственники невесты выносят из дома новое платье — халат, платок, пояс. Жених, сбросив прежний костюм, прямо на улице переодевается в эти одежды. Здесь же жениху и его товарищам повязывают через плечо турме. Иногда в это время мулла делает патия.

Переезд невесты в дом жениха происходит в атмосфере настороженности, знакомой по северным районам, — друзья жениха беспрепятственно гарцуют вокруг свадебного поезда, подруги невесты бросают им турме, а сама невеста в продолжении всего пути обязательно держит в руках зажженную лампу.

Сильным влиянием общины в прошлом с ее замкнутым бытом и внутренними браками (в южном Хорезме и теперь предпочитают браки внутри элата), видимо, объясняется и такой обычай, согласно которому арбакешем на келин-арбе должен быть обязательно родственник невесты. Сейчас арбакешем бывает член той бригады, в которой работает невеста. Перед домом жениха келин-арба непременно переезжает через очистительный огонь, но, в отличие от северных районов, через огонь одновременно переезжает и жених на коне. Сойти с арбы невесте никто не помогает — посаженных отца и матери в южных районах нет. В Хазараспе считается обязательным подстелить под ноги невесте, когда она сходит с арбы, поступ, принадлежащий семье жениха. *Та'зым* — приветствие отцу и родственникам жениха произносит янга невесты, приехавшая вместе с ней. *Салам* говорится и умершим членам семьи жениха, в чем несомненно, проявляются пережитки древнего культа предков. С этим же культом связан хазараспский обычай посещения невестой или ее родителями перед свадьбой кладбища, куда приносятся определенные дары (*садака*) — жертва, считавшаяся, видно, необходимой для отделения невесты от своей семьи. В комнату, куда отводят невесту, следом за ней приходит жених и одним рывком бросает ее на *курпа* — одеяла, расстеленные матерью жениха. Затем янга развязывает на женихе пояс и снимает с него сапог. В некоторых семьях соблюдается обычай шуточной борьбы между женихом и невестой. Для того чтобы у них рождались дети, через жениха и невесту перекатывают детей. Затем бывает угощение (подают обычно баранью грудинку).

Любопытен в этом плане обычай, соблюдаемый в некоторых селениях южного Хорезма, когда присутствующих на улы-тое женщин угощают сомятиной (с сомом связывается представление о благополучии). К раздающему сомятину женщины подходят, держа на руках детей. Бездетные же женщины держат на руках тыквы.

Жених и невеста, оставшись в комнате одни (если янга и остается, то сидит по другую сторону занавески), смотрятся в зеркало — предмет, с которым связываются представления о чем-то светлом и ясном. На сле-

¹⁰ Бундахишн. XIX, 33 (см. К. Иностранцев. Материалы из арабских источников для культурной истории Сасанидской Персии. СПб., 1907, стр. 91).

дующий день в дом молодого приходят родственницы его жены, в том числе и ее мать, приносящие с собой угощение (на улы-тое родителей невесты не бывает). После улы-тоя молодая (*келин*) в течение нескольких дней не работает. По истечении двух — шести дней родители келин приглашают в свой дом зятя. Всех присутствующих на этом тое угощают особым блюдом — размешанным в молоке маслом — для того, чтобы жизнь молодоженов была мягкой и чистой. После этого келин полагается идти на поклон к свекру. Цикл свадебных обрядов заканчивается тем, что свекровь подвергает испытанию келин и дает ей прясть или шить. Затем келин приступает к повседневной работе.

В Кипчакском районе порядок проведения дней, следующих за улы-тоем, несколько отличается от хазараспского. По обычаю, распространенному в северных районах, после улы-тоя янга келин должна устроить молодому и его родственникам угощение, состоящее из бараньей грудинки, за что получает деньги. Затем следует проверка умения молодой работать. На этом свадебные обряды кончаются.

Приведенные описания свидетельствуют, что свадебный обряд хорезмских узбеков — явление сложное и неоднородное по своему происхождению. Наиболее четко в нем выделяются два напластования, связанные с культурой различных этнических групп, вошедших в состав современного населения Хорезмского оазиса. Со временем, под влиянием ассимиляционных процессов, произошло известное смешение обрядов, взаимопроникновение элементов обрядности различных культурных областей. Но до сих пор сохранилась разница в обрядности южных и северных районов Хорезмского оазиса. Границей распространения северного комплекса является район Гурлена, в свадебной обрядности которого имеются почти все характерные для северного комплекса обряды, хотя в нем чувствуется и большее влияние общинных порядков, что отличает южный комплекс ¹¹.

Более древним циклом в свадебной обрядности хорезмских узбеков, без сомнения, является тот, который составляет основу южнохорезмийской свадьбы, генетически связанный с местным земледельческим, иранским по происхождению, населением Хорезмского оазиса, и имеющий много общего со свадебной обрядностью таджиков и персов.

Переодевание жениха в новые одежды, церемонии с детьми, подстиланье под ноги молодой полосы белой ткани (вместо шубы), осыпание сладостями, смотрение в зеркало, зажженная лампа и др. — все это встречается в таджикском ¹² и персидском ¹³ свадебных ритуалах.

Рассматривая свадебный комплекс южного Хорезма, следует отметить поразительное сходство его с древнеиндийским свадебным обрядом, зафиксированным в ведической религиозной литературе, которая очень часто разъясняет утерянный смысл некоторых существующих ныне обычаев. Отдельные сцены этого обряда запечатлены на серебряных чашах, связанных происхождением, по всей видимости, с территорией Тохаристана ¹⁴.

¹¹ Нашим информатором по гурленской свадьбе был уроженец Гурлена Садредин Салимов.

¹² См. Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. М.—Л., 1959.

¹³ См. Р. А. Галунув. Средняя персидская свадьба. «Сборник музея антропологии и этнографии», 1930, IX.

¹⁴ См. К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, табл. 15—21. Датировка и локализация этих изделий, предлагаемая К. В. Тревер, подверглась критике некоторыми советскими исследователями.

Согласно текстам гимнов Ригведы, Атхарваведы и Грихья-Сутров¹⁵, большое место в земном свадебном обряде отведено очистительному огню, через который проходят жених и невеста и все участники торжества (это запечатлено особенно полно на чаше, найденной в 1903 г. в Кустанайском районе б. Актюбинской области)¹⁶. Так, в один из основных моментов свадьбы еще около дома невесты жених берет ее за руку и, произнося слова: «Как Агни коснулся длани земли, так этой руки касаюсь и я; не дрожи... жена ты мне по праву, и я — господин дома твоего»¹⁷, — трижды обводит ее вокруг священного огня. В дом жениха невесту перевозит дружка со стрекалом в руках, которым он погоняет волов, запряженных в колесницу.

Перед своим домом жених обращается к невесте со словами: «Наступи на этот камень; как камень будь тверда. Уничтожай тех, кто пытается причинить тебе зло, побеждай врагов»¹⁸. В это время она должна ступить «кончиком правой ноги на камень»¹⁹. Около дома жениха невесту встречает дружка жениха с полной чашей в руках и вновь трижды обводит ее вокруг огня, говоря: «С кротким взором, мужу не причиняющая зла, благая, сильная, хозяйка хорошая, сыновей-героев рождающая, свекру и свекрови преданная, живи на благо нам»²⁰. Затем жених вводит невесту в дом, говоря при этом следующее: «Перешагни (порог) правой ногой вперед; не останавливайся на пороге»²¹. В доме жениха ее сажают на «шкуру быка, разложенную шеей на восток и мехом наружу»²². (В свадебных гимнах часто упоминают шкуру быка или ковер из нее; на них усаживают невесту для обеспечения семье богатства и потомства)²³. После этого жених дает невесте в правую руку «иглу дикобраза и шнурок из трех скрученных нитей, а в левую — зеркало»²⁴; затем, «в то время, как невеста сидит лицом на восток, жених, стоя лицом на запад, произносит слова: Пусть Праджанати дарует нам потомство, и совершает возлияния»²⁵. После чего он должен распустить два локона волос невесты, говоря: «Я освобождаю тебя от уз Варуны», а потом иглою дикобраза разделяет их на пробор, начиная со лба²⁶ и «сажает к ней на колени ребенка, сына женщины, имеющей только сыновей, которые все живы»²⁷.

Согласно исследованию К. В. Тревер, весь цикл свадебных обрядов изображался на серебряных чашах, которые, возможно, преподносили молодоженам как символ брака²⁸.

В свадебном обряде узбеков южного Хорезма налицо почти все элементы архаического свадебного обряда, зафиксированного в ведической

¹⁵ Материалы по свадебным обрядам, изложенные в этих древних индийских памятниках, приведены в указанной работе К. В. Тревер (стр. 73—78 и др.). Все ссылки на древнеиндийские источники даны нами по К. В. Тревер.

¹⁶ К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 15—17.

¹⁷ Атхарваведа. Sacred Books of the East. Oxford (далее SBE), т. XIV, I.

¹⁸ Грихья-Сутра, SBE, т. XXX, 188, и т. XXIX, 37.

¹⁹ Там же, т. XXX, 45.

²⁰ Каушика-Сутра, 77, 2, 17.

²¹ Грихья-Сутра, т. XXX, 193.

²² Там же, 47.

²³ К. В. Тревер, Указ. соч., стр. 83.

²⁴ Грихья-Сутра, т. XXIX, 33.

²⁵ Там же, т. XXIX, 166.

²⁶ К. В. Тревер, ссылаясь на работу Н. И. Веселовского «Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение» («Записки Восточного отделения русского археологического общества», т. XXV. СПб., 1921) указывает, что обряд разделения кос невесты стрелой зафиксирован не только у ряда восточных народов, но и у русских до XVII в. (К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 77, примеч. 5).

²⁷ Грихья-Сутра, т. XXX, 263, т. XXIX, 42.

²⁸ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 78.

литературе. Отсутствующие в хорезмийском обряде звенья сохранились, правда, в несколько измененном виде, в свадебном обряде некоторых районов Таджикистана, который имеет много общего с южнохорезмийским, как отмечалось выше. Древность южнохорезмийского свадебного обряда не вызывает сомнений. Серебряные чаши из Тохаристана, датируемые одна кушанским²⁹, другая эфталитским³⁰ временем, свидетельствуют, что в эти периоды в Средней Азии уже существовал обряд, подобный южнохорезмийскому, а ведические тексты уводят нас в еще более древнюю эпоху.

Свадебные обряды, бытующие сейчас в южных районах Хорезмского оазиса, аналогичные зафиксированным в религиозной литературе древней Индии, отражающей идеологию общества эпохи разложения родового строя и сложения государственности, вряд ли можно считать занесенными на территорию Средней Азии, в частности в Хорезм, из Индии, хотя связи Хорезма с Индией на основании археологических материалов устанавливаются с первобытной эпохи. На территории Хорезма отмечено проникновение дравидоидного антропологического типа, характерного для Южной Индии (II тысячелетие до н. э.), вторично появляющегося в Хорезме в Кушанскую эпоху³¹. Дело, видимо, в том, что Хорезм входил в ареал древневосточных цивилизаций, захватывающих территорию Ирана, Средней Азии и Индии, связанных общими формами хозяйства, уровнем культуры, единообразием религиозных представлений и постоянным культурным общением с доисторической эпохи. В южном Хорезме благодаря его известной замкнутости древняя редакция обряда сохранилась полнее, чем на территории Ирана или других областей Средней Азии.

Комплекс обрядов, преобладающий в северных районах Хорезмского оазиса, относится к другому кругу народов и другой культуре, генетически связанной с тюркоязычными народами, в частности несет на себе черты патриархального быта кочевых и полукочевых народов приаральских степей.

Этот вывод основывается на сходстве северохорезмийского, в частности кипчакского, свадебного обряда со свадебными обрядами узбеков Кунградского района³², каракалпаков³³ и частично сыр-дарьинских казахов³⁴, связанных происхождением с позднесредневековыми племенами южного Приаралья.

В свадебном обряде кунградских узбеков и каракалпаков очень большое место отводится посаженным отцу и матери, особенно последней; для обряда характерны бесчисленные *каде* (выкупы), обычай дарить пять одежд, число 9, угощение жениха грудинкой барана и другие, характерные для северохорезмийского комплекса черты.

Надо сказать, что деление свадебного обряда хорезмийских узбеков на два комплекса, тяготеющих один к северным, другой к южным районам Хорезмского оазиса, подтверждаемое элементами материальной культу-

²⁹ Предположение, высказанное С. П. Толстовым.

³⁰ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства правобережного Тохаристана. Ташкент, 1958, стр. 12 (автореферат канд. диссертации).

³¹ См. С. П. Толстов. Новые археологические открытия в связи с некоторыми проблемами древней истории Индии (доклад, прочитанный на научном конгрессе в Мадрасе в январе 1958 г.).

³² К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарья, стр. 402—404 и др.

³³ Полевые записи автора 1956—1958 гг.

³⁴ См. А. А. Диваев. О свадебном ритуале киргизов Сыр-Дарьинской области. Казань, 1900; И. И. Брагимов. Этнографические очерки киргизского народа. «Русский Туркестан», 1872, вып. 1, стр. 730 и сл.

ры, исторически оправдано, так как связано с различными этническими компонентами, вошедшими в состав современного узбекского населения Хорезмского оазиса. Деление узбеков Хорезма на северных и южных, таким образом, подтверждается и современным свадебным обрядом, распространенным в этой местности.

В заключение хотелось бы еще раз обратить внимание на особую устойчивость в Хорезмской свадьбе религиозно-магического ритуала.

Эта сторона свадебной церемонии, основывающаяся на древних религиозных верованиях и сохранившаяся до настоящего времени с наибольшей полнотой, заслуживает такого же пристального внимания и изучения, как влияние ислама на брачный ритуал, институт калыма или различные моменты брака правового характера.

Обычаи и обряды, являющиеся реликтами домусульманских культов, гораздо глубже, чем ортодоксальный ислам, проникли в современный быт среднеазиатского крестьянства, в частности узбекского населения Хорезмского оазиса. Очень часто они уживались в тесном общении с мусульманской религией (в некоторых случаях мусульманское духовенство вело с ними борьбу, считая их противоречащими догмам ислама). Пережиткам этих культов до недавнего времени не придавалось особого значения, они не вызывали осуждения со стороны советской общественности, с ними не проводилось никакой борьбы. Между тем для формирования мировоззрения советского человека, они, пожалуй, более вредны, чем официальная религия, так как очень глубоко укоренились в повседневном быту, подстерегая человека на каждом шагу его жизни и мешая ему активно и сознательно участвовать в ней.

Все это обязывает исследователей современного быта народов Средней Азии очень внимательно изучать пережитки местных древних культов и вести разъяснительную работу для успешной борьбы с ними.

Изучение свадебной обрядности может дать исследователю и пропагандисту богатый материал, поскольку такой важный акт человеческой жизни, как вступление в брак, сопровождается до сих пор многими религиозно-магическими обрядами. Изучение старинных форм свадебного ритуала необходимо также для создания нового советского свадебного обряда, освобожденного от влияния чуждых нашей идеологии представлений, но не лишенного национального колорита.